

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Сканирование: Евгений Питолкин (pitolin@mail.ru) Корректурa: Илья Банов (<http://www.geocities.com/bykov2000>)

Источник: Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с немецкого. - М.: Республика, 1993. - 447с. Основной текст: с. 221 - 238, примечания: с. 420-423.

В нижеследующем мы спрашиваем о технике [1] (1). Вопросы встают на каком-то пути. Разумно поэтому иметь в виду прежде всего путь, а не застревать на разрозненных тезисах и формулах. Наш путь - путь мысли. Все пути мысли более или менее ощутимым образом загадочно ведут через язык. Мы ставим вопрос о технике и хотели бы тем самым подготовить возможность свободного отношения к ней. Свободным оно будет, если откроет наше присутствие (Dasein) для сущности техники. Встав вровень с этой сущностью, мы сумеем охватить техническое в его границах.

Техника не то же, что сущность техники. Отыскивая сущность дерева, мы неизбежно увидим: то, чем пронизано всякое дерево как таковое, само не есть дерево, которое можно было бы встретить среди прочих деревьев.

Точно так же и сущность техники вовсе не есть что-то техническое. Мы поэтому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с ней или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее утверждаем или отвергаем. В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу.

Сущностью вещи, согласно старинному философскому учению, называется то, что она есть. Мы ставим вопрос о технике, когда спрашиваем, что она такое. Каждому известны оба суждения, служащие ответом на такой вопрос.

Одно гласит: техника есть средство для достижения целей.

Другое гласит: техника есть известного рода человеческая деятельность [2] (2).

Оба определения техники говорят об одном. В самом деле, ставить цели, создавать и использовать средства для их достижения есть человеческая деятельность. К тому, что есть техника, относится изготовление и применение орудий, инструментов и машин, относится само изготовленное и применяемое, относятся потребности и цели, которым все это служит. Совокупность подобных орудий есть техника. Она сама есть некое орудие, по-латински - instrumentum.

Примелькавшееся представление о технике, согласно которому она есть средство и человеческая деятельность, можно поэтому назвать инструментальным и антропологическим определением техники.

Кому вздумается отрицать его правильность? Оно явно угадывает то, что сразу бросается в глаза, когда говорят о технике. Больше того, страшная правильность инструментального определения техники такова, что оно годится даже для современной техники, относительно которой, между прочим, не без основания утверждают, что по сравнению со старой ремесленной техникой она представляет собой нечто совершенно иное и потому новое. Электростанции со своими турбинами и генераторами - тоже изготовленное человеком средство, служащее поставленной человеком цели. И реактивный самолет, и высокочастотная установка - тоже средства для достижения целей. Разумеется, радиолокационная станция не так проста, как флюгер. Разумеется, постройка высокочастотного агрегата требует сочетания разнообразных операций промышленно-технического производства. Разумеется, лесопилня в заброшенной шварцвальдской долине - примитивное средство в сравнении с

ВОПРОС О ТЕХНИКЕ

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

Сканирование: Евгений Питолин

(pitolin@mail.ru) Корректурa: Илья Быков

(<http://www.geocities.com/bykov2000>)

Источник: Хайдеггер М. Время и бытие:

Статьи и выступления: Пер. с немецкого.

- М.: Республика, 1993. - 447с. Основной текст: с. 221 - 238, примечания: с. 420-423.

В нижеследующем мы спрашиваем о технике [\[1\]](#) (1). Вопросы встают на каком-то пути. Разумно поэтому иметь в виду прежде всего путь, а не застревать на разрозненных тезисах и формулах. Наш путь - путь мысли.

Все пути мысли более или менее осязаемым образом загадочно ведут через язык. Мы ставим вопрос о технике и хотели бы тем самым подготовить возможность свободного отношения к ней. Свободным оно будет, если откроет наше присутствие (Dasein) для сущности техники. Встав вровень с этой сущностью, мы сумеем охватить техническое в его границах.

Техника не то же, что сущность техники. Отыскивая сущность дерева, мы неизбежно увидим: то, чем пронизано всякое дерево как таковое, само не есть дерево, которое

можно было бы встретить среди прочих деревьев.

Точно так же и сущность техники вовсе не есть что-то техническое. Мы поэтому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с нею или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее утверждаем или отвергаем. В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в

наши дни особенно
распространенное, делает нас
совершенно слепыми к ее существу.

Сущностью вещи, согласно
старинному философскому учению,
называется то, чть она есть. Мы
ставим вопрос о технике, когда
спрашиваем, что она такое. Каждому
известны оба суждения, служащие
ответом на такой вопрос.

Одно гласит: техника есть средство
для достижения целей.

Другое гласит: техника есть
известного рода человеческая
деятельность [\[2\]](#) (2).

Оба определения техники говорят об одном. В самом деле, ставить цели, создавать и использовать средства для их достижения есть человеческая деятельность. К тому, что есть техника, относится изготовление и применение орудий, инструментов и машин, относится само изготовленное и применяемое, относятся потребности и цели, которым все это служит. Совокупность подобных орудий есть техника. Она сама есть некое орудие, по-латински - *instrumentum*.

Примелькавшееся представление о технике, согласно которому она есть

средство и человеческая деятельность, можно поэтому назвать инструментальным и антропологическим определением техники.

Кому вздумается отрицать его правильность? Оно явно угадывает то, что сразу бросается в глаза, когда говорят о технике. Больше того, страшная правильность инструментального определения техники такова, что оно годится даже для современной техники, относительно которой, между прочим, не без основания утверждают, что по сравнению со старой ремесленной техникой она

представляет собой нечто совершенно иное и потому новое. Электростанции со своими турбинами и генераторами - тоже изготовленное человеком средство, служащее поставленной человеком цели. И реактивный самолет, и высокочастотная установка - тоже средства для достижения целей. Разумеется, радиолокационная станция не так проста, как флюгер. Разумеется, постройка высокочастотного агрегата требует сочетания разнообразных операций промышленно-технического производства. Разумеется, лесопильня в заброшенной

шварцвальдской долине -
примитивное средство в сравнении с
гидроэлектростанцией на Рейне.

И все-таки верно: современная
техника - тоже средство для
достижения целей. Недаром
инструментальным представлением
о технике движимы все усилия
поставить человека в должное
отношение к технике. Все нацелено
на то, чтобы надлежащим образом
управлять техникой как средством.
Хотят, что называется, “ *утвердить
власть духа над техникой* ”. Хотят
овладеть техникой. Это желание
овладеть становится все более
настойчивым, по мере того как

техника все больше грозит вырваться из-под власти человека [\[3\]](#) (3).

Ну а если допустить, что техника вовсе не просто средство, как тогда будет обстоять дело с желанием овладеть ею? Впрочем, мы же сами сказали, что инструментальное определение техники верно.

Конечно. Верное всегда констатирует в наблюдаемой вещи что-то соответствующее делу. Но такая констатация при всей своей верности вовсе еще не обязательно раскрывает вещь в ее существе. Только там, где происходит такое раскрытие, происходит событие истины.

Поэтому просто верное - это еще не

истина. Лишь истина впервые позволяет нам вступить в свободное отношение к тому, что задевает нас самым своим существом. Верное инструментальное определение техники, таким образом, еще не раскрывает нам ее сущности. Чтобы добраться до нее или хотя бы приблизиться к ней, мы должны, пробиваясь сквозь верное, искать истинного. Мы должны спросить:

что такое сама по себе

инструментальность? К чему относятся такие вещи, как средство и цель? Средство есть нечто такое, действием чего обеспечивается и тем самым достигается результат. То, что

имеет своим последствием действие, называют причиной. Причина, однако, - не только нечто такое, посредством чего достигается нечто другое. Цель, в стремлении к которой выбирают вид средства, тоже играет роль причины. Где преследуются цели, применяются средства, где господствует инструментальное, там правит причинность, каузальность .

Столетиями философия учит, что есть четыре причины:

- 1) causa materialis , материал, вещество, из которого

изготавливается, например,
серебряная чаша;

2) causa formalis , форма, образ,
какую принимает этот материал;

3) causa finalis , цель, например
жертвоприношение, которым
определяются форма и материал
нужной для него чаши;

4) causa efficiens , создающая своим
действием результат, готовую
реальную чашу, т. е. серебряных
дел мастер.

Что такое техника, представляемая
как средство, раскроется, если мы
сведем инструментальность к этим
четырем аспектам причинности.

А что если существо причинности тоже окутано мраком? Правда, вот уже сколько веков философы ведут себя так, словно учение о четырех причинах свалилось с неба в виде самоочевиднейшей истины. Но не пора ли уже спросить: почему причин именно четыре? Что по отношению к перечисленной четверице называется собственно “*причиной*”? Откуда в характере причинности четырех причин такое единство, что они оказываются взаимосвязаны?

Пока мы не задумаемся в эти вопросы, причинность, а с нею

инструментальность, а с этой последней примелькавшееся инструментальное определение техники останутся темными и необоснованными.

Причину с давних пор привыкли представлять как действующую силу. Действие тут означает получение следствия, результата. Действующая причина, *causa efficiens*, одна из четырех, решающим образом определяет всю каузальность. Дело доходит до того, что целевая причина, *causa finalis*, вообще уже не причисляется к каузальности. *Causa*, *casus* идет от глагола *cadere*, падать, и означает то, из-за чьего воздействия

“ *выпадает* ” то или иное следствие. Учение о четырех причинах восходит к Аристотелю. Однако в сфере греческого мышления и для Аристотеля все, что последующие эпохи ищут у греков под понятием и рубрикой “ *причинности* ”, не имеет просто ничего общего с действием и воздействием. Что мы именуем причиной, а римляне *causa*, у греков зовется *бъфйпн*: виновное в чем-то другом. Четыре причины - четыре связанных между собой вида виновности. Это можно пояснить на примере.

Серебро - то, из чего изготовлена серебряная чаша. Как определенный

материал (ылз) оно отчасти виновно в чаше. Чаша обязана серебру тем, из чего она состоит. Жертвенный сосуд обязан собою, однако, не только серебру. Будучи серебряной чашей, вещь, обязанная этим серебру, выступает в виде чаши, а не в виде пряжки или кольца. Соответственно жертвенный прибор обязан также образу (эйдосу) своей чашеобразности. Серебро, в котором воплотился образ чаши, и вид, в котором явилось серебряное, вместе по-своему виновны в жертвенном приборе.

Но главный его виновник все-таки нечто третье. Это то, что с самого

начала очертило чашу сферой
освящения и жертвоприношения.
Благодаря этому она приобретает
определенность как жертвенный
сосуд. Очертания придают вещи
законченность. С такой
законченностью вещь не кончается, а
наоборот, от нее начинается в
качестве того, чем будет после
изготовления. Конец, завершение в
указанном смысле называется по-
гречески **φЭлпт** , что сплошь да
рядом переводят и тем
перетолковывают как “ *цель* ” и “
назначение”. “ *Телос* ” - виновник
жертвенного сосуда в том же смысле,

В каком его совиновниками являются материал и образ.

Наконец, совиновником наличия и готовности сделанного жертвенного прибора выступает нечто четвертое: серебряных дел мастер; но вовсе не тем, что, действуя, он производит готовую жертвенную чашу как следствие своего действия, вовсе не как *causa efficiens*.

Учение Аристотеля и не знает называемой этим именем причины, и не применяет греческого слова с таким значением [\[4\]](#) (4).

Серебряных дел мастер, разбираясь в трех названных видах вины, собирает их воедино. Разборчивое собирание по-гречески значит **лЭгейн, лыгпт** . Логос коренится в **ЬрпцбЯнуибй** , выявляющем обнаружении.

Серебряных дел мастер - совиновник чаши в том смысле, что от него начинается и через него достигается ее окончательная готовность. **Три вышеназванных вида вины благодаря собирающей разборчивости серебряных дел мастера проявляют себя и вступают во взаимосвязь, ведущую к возникновению готовой чаши** .

В наличном, готовом жертвенном сосуде собраны, таким образом, четыре вида вины. Они различны и, тем не менее, связаны между собой. Что их с самого начала объединяет? Чем сплавлена взаимосвязь четырех видов вины? Откуда идет единство четырех причин? Иначе говоря, что значит для греческой мысли эта “*вина*”?

Мы, нынешние люди, слишком склонны или понимать вину нравственно, как проступок, или опять же толковать ее как определенный род действия. В обоих случаях мы загораживаем себе

подступы к первоначальному смыслу того, что позднее будет названо причинностью. Пока эти подступы не откроются, мы не увидим и существа инструментальности, которая стоит на причинности.

Чтобы уберечься от обоих перетолкований вины, поясним ее четыре вида исходя из того, чему они виной. В нашем примере они - виновники наличия и готовности серебряной чаши как жертвенного сосуда. Наличие и готовность (**эрпкеЯуибй**, предложение подлежащего) характеризуют присутствие чего-либо присутствующего [\[5\]](#) (5). Четыре

вида вины позволяют вещи явиться. Благодаря им вещь оказывается присутствующей. Они выпускают ее из несуществования и тем самым ведут к полноте ее явления. Все виды вины имеют своей основной чертой это выпускающее выведение к явленности. В смысле такого выведения вина есть “ *повод* ”. Исходя из того, как греками ощущалась виновность, **бйфЯб** , придадим сейчас слову “ *по-вод* ” более широкий смысл, чтобы оно именовало сущность по-гречески понятой причинности. Привычное и более узкое значение слова “ *повод* ” говорит, наоборот, лишь о чем-то

вроде стимула и побуждения, означая
род побочной причины в общих
рамках причинности.

Так чем же скреплена взаимосвязь
четырех видов повода? Они дают
чему-то еще не явленному прийти к
присутствию. Тем самым ими в
равной мере правит то при-ведение,
которым приводится к явленности
существующее Что такое это при-
ведение, нам говорит Платон в одной
фразе “ *Πира* ” (205 b): Ю гас фпй Эк
фпх мЮ ьнфпт еЯт фо ьн Яьнфй
офцпэн бйфЯб рЪуб еуфй рпЯзуйт .

“Всякий по-вод для перехода и
выхода чего бы то ни было из

несуществования к присутствию есть
рпЯзуйт : про-из-ведение”.

Все зависит от нашего умения
продумать про-из-ведение во всей его
широте [\[6\]](#) (6), притом в греческом
смысле. Про-из-ведение - не только
ремесленное изготовление, не только
художественно-поэтическое
выведение к явленности и
изображенности. **Цэуйт** , самобытное
вырастание - тоже про-из-ведение,
тоже **рпЯзуйт** . **Цэуйт** , - это даже
рпЯзуйт в высшем смысле. Ведь то,
что присутствует “ *по природе* ”
цэуйт , несет начало про-из-ведения,
например распускания цветов при
цветении, в себе самом (**Эн Эбхфц**)

[7] (7). В отличие от этого про-из-ведения ремесла и художества, как серебряная чаша, берут начало своей произведенности не в самих себе, а в другом (**Эн Ылц**), в мастере и художнике.

Виды по-вода, четыре причины, таким образом, играют свои взаимосвязанные роли внутри события про-из-ведения. Благодаря этому событию как выросшее по природе, так и изготовленное руками ремесленника и художника выступает, всякий раз по-своему, в своей явленности.

Как, однако, происходит событие про-из-ведения, будь то в природе, будь то в ремесле или в искусстве? Что такое про-из-ведение, в котором разыгрываются четыре вида повода? По-вод ведет к присутствию того, что обнаруживается в событии про-из-ведения. Производство выводит из потаенности в открытость. Событие произведения происходит лишь постольку, поскольку потаенное переходит в непотаенное. Этот переход коренится и набирает размах в том, что мы называем открытостью потаенного. У греков для этого есть слово **αλήθεια**. Римляне переводят его через *veritas*. Мы говорим “

истина ”, понимая ее обычно как правильность представления.

Куда мы забрели? Мы спрашиваем о технике, а дошли теперь до **алЮОиейб**, открытости потаенного. Какое отношение имеет существо техники к раскрытию потаенного? Ответ: прямое. Ибо на раскрытии потаенности стоит всякое про-из-ведение. Последнее, со своей стороны, собирает в себе четыре вида повода - всю причинность - и правит ими. К сфере причинности относятся цель и средства, относится инструментальное. Инструментальность считается основной чертой техники. Шаг за

шагом спрашивая, что такое собственно техника как средство, мы придем к раскрытию потаенного. Здесь заложена возможность всякого поставляющего изготовления.

Итак, техника не простое средство. Техника - вид раскрытия потаенности. Если мы будем иметь это в виду, то в существе техники нам откроется совсем другая область. Это - область выведения из потаенности, осуществления истины.

Открывающаяся тут перспектива кажется нам отчуждающе-странной. Так и должно быть, должно быть как можно дольше и тревожить нас,

чтобы мы, в конце концов, всерьез отнеслись к простому вопросу: о чем же говорит слово “ *техника* ”. Это слово идет из греческого языка.

Фечныйкн значит: относящееся к **фЭчнз** . Относительно смысла этого слова мы должны обратить внимание на две вещи.

Во-первых , **фЭчнз** - название не только ремесленного мастерства, но также высокого искусства и изящных художеств. Такая **фЭчнз** относится к про-из-ведению, к **рпЯзуйт** ; она есть нечто “ *поэтическое* ”.

Второе , о чем надо вспомнить в отношении слова **фЭчнз** , еще

важнее. С самых ранних веков вплоть до эпохи Платона слово **фЭчнз** стоит рядом со словом **ЭрйуфЮмз**. Оба слова именуют знание в самом широком смысле. Они означают умение ориентироваться, разбираться в чем-то. Знание приносит ясность. В качестве проясняющего оно есть раскрытие потаенности. В специальном трактате (“*Никомахова этика*” VI, гл. 3 и 4) Аристотель проводит различие между **ЭрйуфЮмз** и **фЭчнз**, причем именно в свете того, что и как они выводят из потаенности. **ФЭчнз** - вид “*истинствования*”, **алзиеэейн**. **ФЭчнз** раскрывает то, что не само

себя про-изводит, еще не существует в наличии, а потому может выйти и выглядеть и так и иначе. Человек, строящий дом или корабль или выковывающий жертвенную чашу, выводит про-из-водимое из потаенности соответственно четырем видам “ *повода* ”. Это раскрытие потаенного заранее собирает образ и материал корабля и дома воедино в свете пред-видимой законченности готовой вещи и намечает исходя отсюда способ ее изготовления. Решающая суть фЭчнз заключается тем самым вовсе не в операциях и манипуляциях, не в применении средств, а в

вышеназванном раскрытии. В качестве такого раскрытия, но не в качестве изготовления, **фЭчнз** и оказывается про-из-ведением.

Так замечание о том, что говорит нам слово **фЭчнз** и как греки определяли сказанное в нем, ведет нас к тому же кругу обстоятельств, на который мы натолкнулись, разбирая вопрос об истинной сути инструментальности как таковой.

Техника - вид раскрытия потаенности. Сущность техники расположена в области, где имеют место открытие и его непотаенность, где сбывается **алЮиейб**, истина.

Против подобного определения сущностной области техники могут возразить, что оно имеет силу для греческой мысли и в лучшем случае еще подходит для ремесленной техники, но для современной машинной техники уже не годится. Между тем именно она, только она волнует нас, заставляя ставить вопрос о технике вообще. Люди говорят, что современная техника - нечто совершенно другое в сравнении со всей прежней, поскольку она опирается на точные науки Нового времени. Впрочем, все яснее начинают понимать, что обратное тоже имеет место:

современная физика, применяя эксперимент, зависит от технической аппаратуры и прогресса приборостроения. Констатация такого взаимобратимого соотношения между техникой и физикой верна. Но она остается голой историографической констатацией факта, ничего не говорящей о том, в чем основа такого соотношения. Решающим остается вопрос: в чем существо современной техники, если она дошла до того, что в ней применяется точное естествознание?

Что такое современная техника? Она тоже раскрытие потаенного. Лишь

тогда, когда мы спокойно взглянемся в эту ее основную черту, новизна современной техники прояснится для нас.

Правда, то раскрытие, каким захвачена современная техника, разворачивается не про-из-ведением в смысле **рпЯзуйт** . Царящее в современной технике раскрытие потаенного есть производство, ставящее перед природой неслыханное требование быть поставщиком энергии, которую можно было бы добывать и запасать как таковую. А что, разве нельзя того же сказать о старой ветряной мельнице? Нет. Правда, ее крылья

вращаются от ветра, они непосредственно отданы его дуновению. Но ветряная мельница не извлекает из воздушного потока никакой энергии, чтобы сделать из нее запасы.

Вот, например, участок земли, эксплуатируемый для производства угля или руды. Земные недра выходят теперь из потаенности в качестве карьера открытой добычи, почва - в качестве площадки рудного месторождения. Иным выглядело поле, которое обрабатывал прежний крестьянин, когда обрабатывать еще значило: заботиться и ухаживать. Крестьянский труд - не эксплуатация

поля. Посеяв зерно, он вверяет семена их собственным силам роста и оберегает их произрастание. Тем временем обработка поля тоже оказалась втянута в колею совсем иначе устроенного земледелия, на службу которого ставится природа. Оно ставит ее на службу производству в смысле добычи. Полеводство сейчас - механизированная отрасль пищевой промышленности. Воздух поставлен на добывание азота, земные недра - руды, руда - на добычу, например, урана, уран - атомной энергии, которая может быть использована

для разрушения или для мирных целей.

Постановка дела добычи природной энергии есть производство в двояком смысле. Оно про-изводит, поскольку что-то извлекает и предоставляет. Вместе с тем такое производство всегда с самого начала несет в себе установку на воспроизводство, на увеличение производительности в смысле извлечения максимальной выгоды при минимальных затратах. Добытый в карьере уголь поставляется не для того, чтобы просто где-то вообще быть в наличии. Его хранят, т.е. держат наготове, чтобы при надобности он

отдал накопленное в нем солнечное тепло. Так добывают тепловую энергию, которая ставится на производство пара, с помощью которого приводят в действие механизмы, обеспечивая на заводе производственный процесс.

На Рейне поставлена гидроэлектростанция. Она ставит реку на создание гидравлического напора, заставляющего вращаться турбины, чье вращение приводит в действие машины, поставляющие электрический ток, для передачи которого установлены энергосистемы с их электросетью. В системе взаимосвязанных

результатов поставки электрической энергии сам рейнский поток предстает чем-то предоставленным как раз для этого.

Гидроэлектростанция не встроена в реку так, как встроен старый деревянный мост, веками связывающий один берег с другим. Скорее река встроена в гидроэлектростанцию. Рейн есть то, что он теперь есть в качестве реки, а именно поставитель гидравлического напора, благодаря существованию гидроэлектростанции. Чтобы хоть отдаленно оценить чудовищность этого обстоятельства, на секунду

задумаемся о контрасте, звучащем в этих двух именах собственных: “*Рейн*”, встроенный в гидроэлектростанцию для производства энергии, и “*Рейн*”, о котором говорит произведение искусства, одноименный гимн Фридриха Гельдерлина [\[8\]](#) (8). Нам возразят, что Рейн ведь все-таки еще остается рекой среди своего ландшафта. Может быть, но как? Только как объект, предоставляемый для осмотра экскурсионной компанией, развернувшей там индустрию туризма.

Выведение из потаенности, которым захвачена современная техника,

носит характер предоставления в смысле добывающего производства. Оно происходит таким образом, что таящаяся в природе энергия извлекается, извлеченное перерабатывается, переработанное накапливается, накопленное опять распределяется, а распределенное снова преобразуется. Извлечение, переработка, накопление, распределение, преобразование - виды выведения из потаенности. Это выведение, однако, не просто идет своим ходом. Оно и не растекается в неопределенности. Техническое раскрытие потаенного раскрывает перед самым собой свои собственные

сложно переплетенные процессы тем, что управляет ими [\[9\]](#) (9). Управление со своей стороны стремится всесторонне обеспечить само себя. Управление и обеспечение делаются даже главными чертами про-из-водящего раскрытия.

Какого рода открытость присуща тому, что вышло на свет в процессе производящего предоставления? Его во всех случаях заставляют установленным образом быть в распоряжении, а именно с установкой на дальнейшее поставляющее производство. Все, что таким образом поставлено, стоит на особом положении. Назовем его

состоянием-в-наличии. Этот оборот речи будет означать у нас нечто более весомое и существенное, чем просто “*припасенность*”. Словосочетание “*состояние-в-наличии*” поднимается здесь до статуса принципиального понятия. Им характеризуется весь тот способ, каким наличествуют вещи, затронутые производяще-добывающим раскрытием.

Состоящее-в-наличии уже не противостоит нам как предмет в его объективной реальности.

Но ведь авиалайнер, стоящий на взлетной площадке, - он все же предмет? Конечно. Мы можем представлять себе машину таким

образом. Однако тогда от нас будет скрыто ее существо и ее способ существования. Выведенная из своей потаенности, она стоит на взлетной полосе только в качестве состоящего-в-наличии и лишь постольку, поскольку поставлена на обеспечение возможности транспортировок. Для этого она во всем своем устройстве, в каждой своей составной части должна предоставлять возможность такого использования, т.е. должна быть готова к полету. (Здесь было бы уместно разобрать гегелевское определение машины как самодеятельного орудия [\[10\]](#) (10).

Если идти от ручного орудия ремесленника, эта характеристика верна. Но в таком случае мы осмысливаем машину как раз не из сущности техники, к которой она принадлежит. С точки зрения состояния-в-наличии она как раз совершенно несамостоятельна; ибо она держится только тем, что поставлена на предоставление поставляемого ею.)

Если сейчас, когда мы пытаемся выявить в современной технике ее характер производящего выведения из потаенности, нам подвертываются, громоздясь сухой, однообразной и потому тягостной

грудой, слова “ *ставить* ”, “ *предоставлять* ”, “ *поставлять* ”, “ *состоять* ”, то тому есть основание в вещи, которая хочет здесь сказать о себе.

Кто осуществляет все это поставляющее производство, через которое так называемая действительность выходит из потаенности для состояния в наличии? Очевидно, человек. До какой степени он своими силами способен на такое раскрытие потаенного? Человек может, конечно, тем или иным способом представлять, описывать и производить те или иные вещи. Но

непотаенностью, в которой показывает себя или ускользает действительное, человек не распоряжается [\[11\]](#) (11). То, что со времен Платона действительное обнаруживает себя в свете идей, не Платоном устроено. Мыслитель лишь отвечал тому, что было к нему обращено как вызов.

Это поставляющее раскрытие всего может осуществляться только в той мере, в какой человек со своей стороны заранее сам уже вовлечен в извлечение природных энергий. Если человек вовлечен в это, поставлен на это, то не принадлежит ли и человек - еще первоначальное, чем природа -

к существующему-в-наличии?

Привычность таких выражений, как “ *человеческий материал* ”, как “ *личный состав* ” корабля или медицинского учреждения, говорит об этом. Лесничий, замеряющий в лесу поваленную древесину и по видимости точно так же обходящий те же лесные тропы, как и его дед, сегодня, знает он о том или не знает, поставлен на это деревообрабатывающей промышленностью. Он приставлен к процессу поставки целлюлозы, которую заставляет в свою очередь производить потребность в бумаге, предоставляемой газетам и

иллюстрированным журналам. А те заставляют общественное мнение проглатывать напечатанное, чтобы люди могли **встать на позиции предоставляемой в их распоряжение мировоззренческой установки** . Правда, как раз потому, что человек еще раньше, чем природные энергии, вовлечен в процесс добывающего поставления, он никогда не бывает чем-то просто состоящим в наличии. **Применяя технику, человек первичнее ее участвует в поставляющем производстве как способе раскрытия потаенности** . Но сама непотаенность, внутри которой

развертывается поставляющее производство, никоим образом не создана человеком, как не им устроена и та область, которую он обязательно пересекает всякий раз, когда в качестве субъекта вступает в отношение к объекту [\[12\]](#) (12).

В чем и как происходит открытие потаенности, если оно не целиком устраивается человеком? Долго искать не приходится. Надо только без предвзятости осмыслить то, чем человек всегда оказывается заранее уже захвачен, причем настолько решительно, что лишь в силу своей захваченности он и может быть человеком. Когда бы человек ни

раскрывал свой взор и слух, свое сердце, как бы ни отдавался мысли и порыву, искусству и труду, мольбе и благодарности, он всегда с самого начала уже видит себя вошедшим в круг непотаенного, чья непотаенность уже осуществилась, коль скоро она вызвала человека на соразмерные ему способы своего открытия. По-своему открывая внутри непотаенности присутствующее в ней, человек лишь отвечает ее вызову - даже там, где ему противоречит. И если, ища и созерцая, человек начинает исследовать природу как некую область своего представления, то,

значит, он уже захвачен тем видом открытия потаенности, который заставляет его наступать на природу как на стоящий перед ним предмет исследования - до тех пор, пока и предмет тоже не исчезнет в беспредметности состоящего-в-наличии [13] (13).

NB!!! Проблема идеальности личности, его системности, т. е. человек – это элемент системы, его ресурс, который «поставляется» в объективный социальный процесс, там расходуется, не зависимо от его субъективного желания.

Итак, современная техника в смысле поставляюще-предоставляющего раскрытия непотаенности - не

просто человеческое дело. Поэтому и тот вызов, который заставляет человека поставлять действительное как состоящее-в-наличии, мы тоже должны воспринять таким, каким он обнаруживает себя. Вызов этот сосредоточивает человека на поставляющем производстве. Его собирающее начало нацеливает человека на поставление действительного как состоящего в наличии.

То, что изначально складывает извилистые линии берега, нанизывая на себя их сложную совокупность, в береговую линию, есть собирающее начало, которое мы называем по-

бережем. Мы называем то изначально собирающее начало, из которого развертываются разнообразные способы, какими мы ведем себя, поведением. Назовем теперь тот захватывающий вызов, который сосредоточивает человека на поставлении всего, что выходит из потаенности, в качестве состоящего-в-наличии, - по-ставом . Решимся применить это слово в пока еще совершенно непривычном смысле.

В существующем смысле слово “*постав*” означает станок, например ткацкий. Поставом называются также мельничные жернова. И таким же тяжелым и жестким, как они,

кажется напросившееся нам теперь новое употребление слова “ *постав* ”, не говоря уже о произволе такого переиначивания слов зрелого языка. Можно ли дальше зайти со странностями? Наверное, нет. Но только эти странности - старый обычай мысли. И мыслители следуют ему как раз тогда, когда мысль должна приблизиться к самому весоному. Мы, поздно рожденные, уже не в состоянии взвесить, что это значит, когда Платон решается употребить для обозначения существа всего существующего слово “ *эйдос* ”. Ведь **еЯдпт** в повседневном языке означал

вид, предлагаемый нашему
чувственному зрению видимой
вещью. Платон вверяет этому слову
совершенно необычную задачу быть
названием того, что чувственным
взором как раз никогда и нигде не
воспринимается. Но и этой
необычности еще мало. Ибо ЯдЭб
именует не только нечувственный
вид чувственно видимых вещей.
Видом, “ *идеей* ” именуется и
оказывается также то, что образует
существо слышимого, вкушаемого,
осязаемого, вообще всего тем или
иным образом воспринимаемого [\[14\]](#)
(14). Рядом с тем, что в этом и в
некоторых других случаях Платон

навязывает языку и мышлению,
применить слово “ *постав* ”, как мы
сейчас решились, в качестве имени
для существа современной техники
можно почти безобидно. Вместе с
тем заявленное здесь
словоупотребление остается
пробным и может вызвать
недоразумения.

В этом примечании ещё раз четко обозначена мысль о социальном как системно-динамическом объекте, обладающем идеальным бытием. В этом русле надо понимать и идеи античных философов, идея – которые двигали миром как субстанция. Теперь надо понимать под субстанцией ~~социальную~~ системность

По-ставом мы называем собирающее
начало той установки, которая

ставит, т.е. заставляет человека выводить действительное из его потаенности способом поставления его как состоящего-в-наличии. Постановом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим . К техническому же относится все знакомое нам в виде всевозможных станков, станов, установок и служащее составной частью того, что именуется производством. Последнее вместе со всеми своими составными частями относится к сфере технического манипулирования, которое всегда

только отвечает требованиям
постава, никогда не формируя его и
даже не воздействуя на него.

Слово “ *ставит* ” в рубрике “ *по-
став* ” имеет в виду не только
производство, оно должно
одновременно сохранить в себе
отзвук того “ *становления* ”, от
которого происходит, а именно того
художественного представления и
вы-ставления, которые в смысле
рпЯзуйт , тоже выводят
присутствующее в непотаенность.
Конечно, это представляющее
произведение, например
выставление статуи в ограде храма, и
продумываемое нами сейчас

добывающе-поставляющее
производство в корне различны - и
все же сродны в своей сущности. Оба
- способы раскрытия потаенного,
виды “ *алетейи* ”. В по-ставе
осуществляется непотаенность, в
виду которой функционирование
современной техники раскрывает
действительность как состоящую в
наличии. *Она поэтому и не только
человеческая деятельность, и не
простое средство в рамках этой
деятельности. Одно лишь
инструментальное, одно лишь
антропологическое определение
техники в принципе
несостоятельно: его нельзя*

реабилитировать, даже подключив
к нему задним числом
метафизическое или религиозное
истолкование.

Правда, конечно, что человек технической эпохи каким-то особенным, подчеркнутым образом втянут в раскрытие потаенности. Это раскрытие затрагивает прежде всего природу как главный резервуар состоящей в наличии энергии. Соответственно, поставляющая установка человека проявляет себя сначала в возникновении точного естествознания Нового времени. Естественнаучный способ представления исследует природу

как поддающуюся расчету систему сил. Современная физика не потому экспериментальная наука, что применяет приборы для установления фактов о природе, а наоборот: поскольку физика, причем уже в качестве чистой теории, заставляет природу представлять себя как расчетно предсказуемую систему сил, постольку ставится эксперимент , а именно для установления того, дает ли и как дает о себе знать представленная таким способом природа.

Но ведь математическое естествознание возникло почти за два века до современной техники.

Как же оно могло уже тогда быть поставлено современной техникой на службу себе? Факты говорят как будто бы о противоположном.

Современная техника развернулась все же только после того, как смогла опереться на точное естествознание. По историографическому счету это верно. По смыслу исторических событий отсюда далеко до истины.

Физическая теория природы Нового времени приготовила путь прежде всего не технике, а существу современной техники. Ибо захватывающая сосредоточенность на поставляющем раскрытии потаенного царит уже в этой физике.

Она только не выступает еще в ней на передний план в своем собственном облике. Физика Нового времени - это еще не познанный в своих истоках ранний вестник поства. Существо современной техники еще долго останется потаенным даже тогда, когда уже изобретут разнообразные двигатели, разовьют электротехнику и двинут в ход атомную технику.

Все сущностное, а не только существо современной техники, вообще всего дольше остается потаенным. И все равно по размаху своей власти оно остается тем, что предшествует всему: самым ранним.

Об этом уже знали греческие мыслители, когда говорили: то, что правит первыми началами вещей, нам, людям, открывается лишь позднее [\[15\]](#) (15). Изначально раннее показывает себя человеку лишь в последнюю очередь. Поэтому в сфере мысли усилия еще глубже продумать ранние темы мысли - это не вздорное желание обновить прошлое, а трезвая готовность удивляться будущему характеру раннего.

По историографическому счету времени начало современного естествознания приходится на 17 век. Машинная техника, напротив,

развивается только со второй половины 18 века. Но более позднее для исторической фактографии - современная техника - по правящему в ней существу есть более раннее событие.

Если современной физике в растущей мере приходится мириться с тем, что сфера ее представлений теряет наглядность, то этот ее отказ от наглядности не продиктован какой-либо исследовательской комиссией. Он продиктован властью по-става, требующего поставимости природы как состоящего-в-наличии. Поэтому при любом отступлении от недавно еще единственно

определяющего, обращенного только к объектам способа представления физика никогда не сможет отказаться от одного: от того, чтобы природа давала о себе знать каким-либо рассчитываемо фиксируемым образом, позволяя представлять себя в качестве системы информативных данных. Эта система отмечена теперь еще раз видоизмененным характером причинности.

Причинность не имеет теперь ни черт про-изводящего по-вода, ни характера *causa efficiens* или *causa formalis* [\[16\]](#) (16). По-видимому, вся причинность сплющивается до добываемой сложными путями

информации об одновременности или взаимоследовании устанавливаемых состояний. Этому, по-видимому, отвечает процесс возрастания условности, впечатляющим образом описанный в докладе Гейзенберга [\[17\]](#) (17).

Поскольку существо современной техники коренится в по-ставе, постольку она вынуждена применять точное естествознание. Отсюда возникает обманчивая видимость, будто современная техника есть прикладное естествознание. Такая видимость может утверждать себя до тех пор, пока не спрошено достаточным образом ни о

сущностных истоках наук Нового времени, ни о существовании современной техники.

NB!!! Замечательно. Надо выходить на единое представление о человеческой деятельности с тремя базовыми компонентами: ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ, ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ и ХУДОЖЕСТВЕННОЙ (ЦЕННОСТНОЙ)

Мы ставим вопрос о технике, чтобы прояснить наше отношение к ее существованию. Существование современной техники является тем, что мы называем по-ставом. Но указать на это еще вовсе не значит ответить на вопрос о технике, если отвечать

значит: соответствовать - отвечать
существу того, о чем задан вопрос.

Где мы окажемся, если сделаем
теперь еще один шаг в осмыслении
того, что такое по-став сам по себе?
Он вовсе не нечто техническое,
машинообразное. Он способ, каким
действительное выходит из
потаенности, становясь состоящим-
в-наличии. Опять спросим:
происходит ли это открытие
потаенного где-то за пределами
всякой человеческой деятельности?
Нет. Но все же оно происходит не
только в человеке и не главным
образом через него.

По-став есть собирающее начало того устанавливания, которое ставит человека на раскрытие действительности способом поставления его в качестве состоящего-в-наличии. *Захваченный поставляющим производством, человек стоит внутри сущностной сферы постава* . Он никак не может занять то или иное отношение к нему, поразмыслив [\[18\]](#) (18). Поэтому вопрос, в какое нам встать отношение к существу техники, в такой своей форме всегда уже запоздал. Зато никогда не поздно спросить, знаем ли мы собственно о самих себе, что наше действие и

наше бездействие во всем то явно, то скрыто втянуто в по-став. Никогда не поздно спросить, главное, задеты ли мы, и как, собственно, задеты сущностной основой самого постава.

Существо современной техники ставит человека на путь такого раскрытия потаенности, благодаря которому действительность повсюду, более или менее явно, делается состоящей-в-наличии. Поставить на тот или иной путь значит то же, что послать в него. То сосредоточивающее послание, которое впервые ставит человека на тот или иной путь раскрытия потаенности, мы называем миссией

и судьбой. Исходя отсюда определяется существо всех исторических событий. Они не просто материал для историографии и не только совершение человеком незаурядных поступков. Поступки только тогда и становятся событиями, когда отвечают миссии и судьбе (ср. “ *О существе истины* ”, 1930; напечатано первым изданием в 1943) [\[19\]](#) (19). И судьба, посылающая на путь опредмечивающего представления, впервые только и делает исторические события доступными в качестве предмета для историографии как одной из наук,

что впервые только и создает почву для привычного отождествления события с историографическим фактом [\[20\]](#) (20).

Втягивая человека в поставляющее производство, постав посылает его на определенный путь раскрытия потаенности. Постав, как всякий путь такого раскрытия, есть судьба, посылающая человека в историческое бытие. Посылание в названном смысле - тоже про-из-ведение, “ *пойесис* ”.

Всегда непотаенность того, что есть, идет одним из путей своего раскрытия. Всегда человек властно

захвачен судьбой раскрытия
потаенности. Однако его судьба -
никогда не принудительный рок. Ибо
человек впервые только и делается
свободным, когда прислушивается к
миссии, посылающей его в
историческое бытие, приходя так к
послушанию - но не к безвольной
послушности.

Существо свободы исходно связано
не с волей, тем более не с причинной
обусловленностью человеческой
воли.

Свобода правит в просторе,
возникающем как просвет, т.е. как
выход из потаенности. Раскрытие

потаенного, т.е. истина - событие, к которому свобода стоит в ближайшем и интимнейшем родстве. Всякое раскрытие потаенного идет по следам сокровенности и тайны. Но, прежде всего, сокровенно и всегда потаенно - само по себе Освобождающее, Тайна. Всякое раскрытие потаенного идет из ее простора, приходит к простору и ведет на простор. Свобода простора не заключается ни в разнузданности своеволия, ни в связанности с абстрактными законами [\[21\]](#) (21). Свобода есть та озаряющая тайна, в просвете которой веет стерегущий существо всякой истины покров и из-

за которой этот покров кажется утаивающим. Свобода - это область судьбы, посылающей человека на тот или иной путь раскрытия Тайны [\[22\]](#) (22).

Существо современной техники таится в поставе. Последний повинуетя миссии раскрытия потаенности. Эти фразы говорят нечто другое, чем часто слышимые речи о технике как судьбе нашей эпохи, где судьба означает неизбежность неотвратимого хода вещей.

Думая о существое техники, мы осмысливаем постав как

посланность на путь раскрытия
потаянного. Тем самым мы уже
вступили в свободный простор
исторической посланности, которая
никоим образом не навязывает нам
тупого фатализма слепых служителей
или, что сводится к тому же,
бессильных бунтарей против
техники, проклинаящих ее как дело
дьявола. Наоборот, по-настоящему
открыв себя существу техники, мы
неожиданно обнаруживаем, что
захвачены освободительной
ответственностью.

Существо техники покоится в
поставе. Его власть отвечает судьбе
исторического бытия. Последняя

всегда посылает человека на тот или иной путь раскрытия потаенности, поэтому человек постоянно ходит по краю той возможности - а значит, приближается к тому, - что будет исследовать и разрабатывать только вещи, раскрытые по образу постава, все измеряя его мерой. Тем самым закроется другая возможность - что человек все раньше, глубже и изначальное будет вникать в существо непотаенного и его непотаенности, принимая эту требующуюся для ее раскрытия принадлежность к ней как свое собственное существо [\[23\]](#) (23).

Часть 2.

Приведя человека к этим двум
возможностям, его судьба поставила
его тем самым на край опасности.

Миссия раскрытия потаенности как
таковая во всех своих видах, а потому
с необходимостью, есть риск.

Каким бы образом ни правила
миссия раскрытия потаенного,
непотаенность, в которой так или
иначе являет себя все существующее,
таит в себе ту угрозу, что человек
проглядит непотаенное и
перетолкует его [\[24\]](#) (24). Так там,
где все присутствующее предстает в
свете причинно-следственных
взаимодействий, даже Бог может

утратить для представления все святое и высокое, все таинственное своего далека. В свете причинности Бог может скатиться до роли причины, до *causa efficiens*. Тогда он даже внутри богословия станет Богом философов - тех, которые определяют всякую открытость и потаенность исходя из действующей причины, никогда при этом не задумываясь о сущностном источнике самой причинности.

Равным образом то раскрытие, в ходе которого природа предстает как рассчитываемая система сил и воздействий, позволит делать правильные утверждения, но как раз

из-за этих успехов упрочится
опасность того, что посреди
правильного ускользнет истинное.

Миссия раскрытия тайны сама по себе есть не какая-то, а главная опасность. Но когда эта миссия правит в образе по-става, она - крайняя опасность. Риск здесь дает о себе знать в двух смыслах. Коль скоро непотаенное захватывает человека даже и не как объект, пред-стоящий человеку, а уже исключительно как состоящее-в-наличии, человек среди распродметившегося материала становится просто поставителем этой наличности - он ходит по крайней кромке пропасти, а именно

того падения, когда он сам себя будет воспринимать уже просто как нечто состоящее в наличности. А между тем как раз под этой нависшей над ним угрозой человек раскорячился до фигуры господина земли.

Распространяется видимость, будто все предстающее человеку стоит лишь постольку, поскольку так или иначе поставлено им. Эта видимость со временем порождает последний обманчивый мираж. Начинает казаться, что человеку предстает теперь повсюду уже только он сам. Гейзенберг с полным основанием указал на то, что сегодняшнему человеку действительность должна

представляться именно таким образом [\[25\]](#) (25). Между тем на самом деле с самим собой, т.е. со своим существом, человек сегодня как раз нигде уже не встречается. Человек настолько решительно втянут в постав, что не воспринимает его как обращенный к нему вызов, просматривает самого себя как захваченного ЭТИМ ВЫЗОВОМ, прослушивает тем самым все способы, какими в своей захваченности эк-зистировать из своего существа, и потому уже никогда не может встретить среди предметов своего представления просто самого себя [\[26\]](#) (26).

Постав, однако, подвергает риску не только человека в его отношении к самому себе и ко всему, что есть. В качестве миссии он посылает человека на путь раскрытия потаенности способом поставления. Где господствует последнее, изгоняется всякая другая возможность раскрытия потаенности. Главное, поставом скрадывается тот путь раскрытия тайны, который дает присутствующему явиться в смысле произведения, **рпЯзуйт** . По сравнению с ним поставляющее производство энергично встает в противительное отношение к тому,

что есть. Где правит постав, на всякое раскрытие потаенного ложится печать управления, организации и обеспечения всего состоящего в наличии. Управление, организация, обеспечение не дают обнаружиться даже своей собственной основной черте, а именно этому раскрытию как таковому.

Поставляющим производством таким образом не только утаивается прежний способ раскрытия потаенности, произведение, но скрадывается, и само раскрытие потаенного как таковое, а с ним то, в

чем происходит событие выхода из потаенности, - Истина.

Постав встает на пути свечения и правления истины. Миссия, посылающая на исторический путь поставления действительности, есть поэтому высший риск. Опасна не техника сама по себе. Нет никакого демонизма техники; но есть тайна ее существа. Существо техники как миссия раскрытия потаенности - это риск. Измененное нами значение слова “ *постав* ”, возможно, сделается нам немного ближе, если мы подумаем теперь о поставе в смысле посланности и опасности.

Угроза человеку идет даже не от
возможного губительного действия
машин и технических аппаратов.

Подлинная угроза уже подступила к
человеку в самом его существе.

Господство по-става грозит той
опасностью, что человек окажется
уже не в состоянии вернуться к более
исходному раскрытию потаенного и
услышать голос более ранней истины

Так с господством постава приходит
крайняя опасность.

Но где опасность, там вырастает
И спасительное [\[27\]](#) (27).

Тщательно продумаем эти слова Гёльдерлина. Что значит “*спасти*”? Обычно мы думаем, что здесь только один смысл: успеть еще как-то удержать от гибели то, чему она грозит, обеспечив ему продолжение прежнего существования. Но “*спасение*” говорит о чем-то большем. “*Спасти*” - значит вернуть что-либо его существу, чтобы тем самым и это существо впервые явить в его подлинном свете. Если существо техники, постав, есть крайняя опасность и если слова Гёльдерлина содержат истину, то господство постава не может исчерпываться только тем, чтобы

глухо заслонить собою свет всякого раскрытия тайны, всякую явленность истины. Наоборот, как раз в существе техники должны таиться ростки спасительного. Но тогда, может быть, как следует взглядевшись в то, что есть постав как миссия раскрытия потаенности, мы сумеем вывести на свет эти ростки спасения?

В каком смысле там, где опасность, вырастает спасительное? Где что-то растет, там оно укоренено, оттуда исходит. Выращивание и укоренение совершаются потаенно и тихо и в свое время. Однако по слову поэта мы как раз и не можем ожидать, что там, где опасность, мы сразу и без

того чтобы готовиться к нему, уловим спасительное. Мы должны сейчас соответственно сначала понять, почему там, где крайняя опасность, почему именно под властью поставы спасение коренится глубже всего, только еще зарождаюсь там. Чтобы понять это, попытаемся на последнем шаге нашего пути еще пристальнее взглянуться в опасность. Тем самым мы должны еще раз задать вопрос о технике. Ведь это в ее существе, как мы говорили, коренится и прорастает спасительное.

Как нам, однако, разглядеть спасительное в существе техники,

пока мы не продумали, в каком смысле слова “ *существо* ” постав является существом техники?

До сих пор мы понимали слово “ *существо* ” в привычном смысле “ *сущности* ”. На школьном языке философии “ *сущностью* ” называется то, что есть вещь, по-латински - quid. Quidditas, “ *чтойность* ”, дает ответ на вопрос о сущности. Например, то, что присуще всем видам деревьев (дубу, буку, березе, сосне), есть одна и та же древесность. Под нее как под общий род, “ *универсальное* ”, подпадают все действительные и возможные деревья. Но существо

техники, постав - разве это общий род всего технического? Будь это верно, тогда паровая турбина, радиопередатчик, циклотрон были бы поставом. Однако слово “ *постав* ” означает у нас и не прибор, и не какое бы то ни было устройство. Тем более под ним не подразумевается обобщенное понятие подобных устройств. Машины и аппараты - так же не образчики и не виды постава, как оператор у пульта управления или инженер в конструкторском бюро. Все это - каждый раз по-своему - принадлежит поставу как составная часть, как состоящее-в-наличии, как поставленный на

производственное место работник;
однако постав есть существо техники
никак не в смысле родового понятия.

*Постав есть один из способов
раскрытия потаенности, на
который посылает судьба
исторического бытия, - а именно
производственно-поставляющий
способ.* Столь же судьбоносный

способ - раскрытие потаенного в
про-изведении. Эти способы, однако,
не смежные виды, соподчиненные
родовому понятию раскрытости.

Выход из потаенности есть та судьба,
которая всегда уже, всегда вдруг и
необъяснимо ни для какой мысли
наделяет собой человека, делясь на

раскрытие потаенного путями
произведения и производства.
Производяще-добывающее раскрытие
исторически происходит от
раскрытости произведения. Но
вместе с тем постав роковым
образом заслоняет собою **рпЯзуйт** , “
поэзию ”.

Во всяком случае, хотя постав как
миссия раскрытия потаенности есть
существо техники, он никоим
образом не сущность в смысле
родовой общности, не *essentia*.
Обратив на это внимание, мы
натолкнемся на поразительное
обстоятельство: сама техника
заставляет нас думать о том, что

обычно понимают под “ *сущностью* ”, в каком-то другом смысле [28] (28). Только в каком?

Уже когда мы говорим о том, что такое вещь “ *в сущности* ”, мы имеем в виду не общеродовое понятие, а то, чем вещь держится, в чем ее сила, что в ней обнаруживается в конечном счете и чем она жива, т. е. ее *существо* [29] (29). Й.П. Хебель в стихотворении “ *Привидение на улице Кандерер* ”, которое особенно любил Гёте, употребляет старое слово, видоизменяющее “ *сущность* ” (Wesen), в этом смысле, - die Wesserei. Оно означает ратушу, поскольку там сосредоточивается

жизнь общины и показывает себя в своем существе бытие городка. Слово “ *существо* ” еще хранит в себе значение соответствующего глагола. “ *Существо* ”, понимаемое глагольно, - то же самое, что “ *истинное существование* ”, и оно связано с “ *истиной* ” не только по смыслу, но и в фонетическом словообразовании [\[30\]](#) (30). Уже Сократ и Платон мыслят сущность вещи как существо в смысле ее пребывающей истины. Правда, пребывающее они понимают как всегда существующее (**Бей ьн**). Вечное же существование они усматривают в том, что остается без перемен во всем происходящем с

вещью. Это остающееся неизменным они в свою очередь обнаруживают в “*виде*” (эйдосе, идее) вещи; скажем, в идее “*дома*”.

В ней являет себя то, чем является каждая устроенная сообразно ей вещь. Отдельные действительные и возможные дома, наоборот, - лишь изменчивые и преходящие разновидности “*идеи*”, не причастные тем самым пребыванию.

Но ведь никак, никогда невозможно доказать, что существенное как пребывающее обязательно должно покоиться только и исключительно на том, что Платон мыслит как “

идею ”, Аристотель - как **фт фй Юн еЯнбй** (“ *то, чем всякая вещь заранее уже была* ”), метафизика - как *essentia*, сущность в ее разнообразнейших истолкованиях.

Все существенное пребывает. Но разве пребывание - это просто продолжающееся существование? Разве существо техники пребывает в смысле вечного существования какой-то идеи, парящей над всем техническим, так что создавалось бы впечатление, будто словом “ *техника* ” обозначается какая-то мифическая абстракция? Существо техники можно усмотреть только из того “ *пребывания* ”, каким исторически

осуществляется по-став как миссия раскрытия потаенного. Гёте употребляет один раз (“*Избирательное сродство*”, II часть, 10 гл., новелла “*Удивительные соседские дети*”) вместо “*продолжало существовать*” таинственно звучащее “*продолжало осуществляться*” [\[31\]](#) (31). Его уху “*существование*” слышится здесь в невысказанном созвучии с “*осуществлением*”. И если мы снова, еще глубже, чем раньше, задумаемся о том, что, собственно, пребывает и, может быть, одно только и пребывает, то с полным основанием скажем: только *осуществляющееся*

*пребывает. Изначально и ранее
всего пребывающее - это
осуществляющее* .

Можно понять так: Пребывает (длящееся) только
самоорганизующееся (себя осуществляющее).

В качестве сущности техники по-
став есть нечто пребывающее. Но
пребывает ли он еще и в смысле о-
существляющего, дающего чему-то
пребывать в своем существе? Уже
сам вопрос кажется явным
промахом. Ведь согласно всему
сказанному выше по-став есть
миссия, сосредоточивающая на
добывающе-производящем
раскрытии сокровитого. Добыча - все

что угодно, только не осуществление!
Так кажется, пока мы не обращаем
внимания на то, что захваченность
поставлением действительного как
состоящего в наличии - это в
конечном итоге тоже миссия,
посылающая человека на один из
путей раскрытия потаенности. В
качестве этой миссии существо
техники дает человеку вступить в
нечто такое, что сам по себе он не
может ни изобрести, ни тем более
устроить; ибо такой вещи, как
человек, являющийся человеком
только благодаря самому себе, не
существует [32] (32).

Вот мы опять возвращаемся к идеальному, к социуму как объективно существующей реальности не зависящей от субъективности личности, определяющей способ существования человека как элемента этой системы и м.б. не на собственной основе, а только на биотической. Но Хайдеггер ошибается, когда считает, что «такой вещи, как человек, являющийся человеком только благодаря самому себе, не существует» - существует, но на собственной основе, а не на биотической, определяющей соответствующие организменные потребности, наличие экономики, как способа обеспечения этих потребностей.

И все-таки: если эта миссия, по-став, есть крайняя опасность, не только для человеческого существа, но и для всего раскрытия тайны как такового, то можно ли называть ее миссией

осуществления? Безусловно: и особенно если на его путях предстоит возрасти спасительному. Всякая миссия раскрытия потаенности выполняется как осуществление и в качестве такого. Осуществление впервые только и наделяет человека той долей участия в раскрытии, какого требует событие выхода в непотаенность. Человек сбывается только в со-бытии истины как требующийся для него. Осуществляющее, тем или иным образом посылающее на путь раскрытия потаенности есть как таковое спасительное. Ибо оно дает человеку увидеть высшее

достоинство своего существа и вернуться к нему. Это достоинство в том, чтобы беречь непотаенность, а с нею - тем самым заранее уже и тайну всякого существа на этой земле. Как раз в по-ставе, который грозит втянуть человека в поставляющее производство как в якобы единственный способ раскрытия потаенного и тем толкает человека на риск отказа от своей свободной сущности, как раз в этой крайней опасности дает о себе знать интимнейшая, нерушимая принадлежность человека к осуществлению истины - при условии, что мы со своей стороны

начнем обращать внимание на существо техники.

Так существо техники таит в себе - чего мы всего меньше ожидали - возможные ростки спасительного.

Все тем самым зависит от нашей способности распознать эти ростки и признательно сберечь их. Как это сделать? Прежде всего другого - усилием разглядеть существо техники, вместо того чтобы просто оцепенело глазеть на техническое. Пока мы будем представлять себе технику как инструмент и орудие, мы застрянем на желании овладеть ею.

Нас пронесет мимо существа техники [\[33\]](#) (33).

Между тем стоит только задаться вопросом о том, в чем существо инструментальности как вида каузальности, и мы увидим: это существо - в миссии раскрытия потаенного.

И если, наконец, мы подумаем о том, как суть этого существа сбывается в о-существлении, требующем человека с его долей участия в раскрытии потаенного, то окажется: Существо техники двусмысленно в высоком значении этого слова. Двусмысленность здесь указывает на

тайну всякого раскрытия
потаенности, т.е. на тайну истины
[\[34\]](#) (34).

Во-первых , постав втягивает в гонку
поставляющего производства,
которое совершенно заслоняет
событие выхода из потаенности и
тем самым подвергает риску самые
корни нашего отношения к
существу истины.

Во-вторых , сам по-став в свою
очередь осуществляется путем того
о-существления, которое позволяет
человеку пребывать - до сих пор
неосознанно, но в будущем,
возможно, это станет более

ощутимым - в качестве
требующегося для хранения
существа истины . Так
поднимаются ростки
спасительного.

Интересная мысль: человек является хранителем существа истины, т.е. сущности техники??

Безудержность поставляющего
производства и сдержанность
спасительного минуют друг друга,
как в движении созвездий пути двух
звезд. Но эта возможность
разминуться скрывает их потаенную
близость. Вглядевшись в
двусмысленное существо техники,

мы увидим эту констелляцию,
звездный ход тайны [\[35\]](#) (35).

Вопрос о технике - это вопрос о
констелляции, при которой
совершается событие раскрытия
потаенного, событие тайны, событие
о-существования истины. Чем нам
поможет вглядывание в
констелляцию истины? Мы
всматриваемся в опасность и
замечаем рост спасительного.

Это нас еще не спасает. И все равно
мы призваны с надеждой следить за
растущим светом спасительного. Как
это сделать? Здесь и теперь, хотя бы
в малом оберегая возрастание

спасительного. Сюда входит и постоянное внимание к грозящей крайней опасности.

Существо техники грозит раскрытию потаенного, грозит той возможностью, что всякое раскрытие сведется к поставляющему производству и все предстанет в голой раскрытости состоящего-в-наличии. Человеческое действие никогда не в силах непосредственно противостоять этой угрозе.

Человеческие усилия сами по себе никогда не смогут эту угрозу отвратить. Но в силах человеческой мысли подумать о том, что все спасительное должно быть высшей,

хотя вместе и сродной сущности с подвергшимся опасности.

Тогда, может быть, какое-то более изначально осуществленное раскрытие тайны способно показать первый свет спасительного среди опасности, которая в техническую эпоху скорее пока еще таится, чем обнаруживает себя? Когда-то не только техника носила название “техне”. Когда-то словом “техне” называлось и то раскрытие потаенного, которое выводит истину к сиянию явленности. Когда-то про-из-ведение истины в красоту тоже называлось “техне”. Словом “

техне ” назывался и “ *пойесис* ”
изящных искусств.

В начале европейской истории в Греции искусства поднялись до крайней высоты осуществимого в них раскрытия тайны. Они светло являли присутствие богов, диалог божественной и человеческой судьбы. И искусство называлось просто “ *техне* ”. Оно было одним, единым в своей многосложности, раскрытием потаенного. Оно было благочестивым, **рсьмпт** , т.е. согласным голосу и молчанию истины.

Искусства коренились не в
художественной сфере. Их
произведения не были объектом
эстетического наслаждения.
Искусство не было фронтом
культурного строительства. Чем было
искусство? Пусть на краткое, но
высокое время? Почему оно носило
скромное и благородное имя “ *техне*
”? Потому что оно было являющим и
выводящим раскрытием потаенности
и принадлежало тем самым к “
пойесису ”. Это слово стало в конце
концов именем собственным того
раскрытия тайны, которым
пронизаны все искусства
прекрасного, - поэзии, созидательной

речи.

Тот же поэт, от которого мы слышали слова:

Но где опасность, там вырастает
И спасительное, -
говорит нам:
Поэтически живет человек на этой
земле.

Поэзия являет истину в сиянии того,
что Платон в “ *Федре* ” называет
екцбнЭуфбфпн , “ *сияющим всего
ярче* ” [\[36\]](#) (36). Существом поэзии
пронизано всякое искусство, всякое
выведение существенного в не-
потаенность красоты.

Будут ли изящные искусства снова призваны к поэтическому раскрытию потаенного? Потребуется ли от них это раскрытие большей изначальности, так, что они в своей доле участия будут возвращать спасительное, вновь будить и поддерживать внимание и доверие к осуществляющему?

Дано ли искусству осуществить эту высшую возможность своего существа среди крайней опасности, никто не в силах знать. Но мы вправе ужасаться. Чему? Возможности другого: того, что повсюду утвердится неистовая техническая

гонка, пока однажды, пронизав собою все техническое, существо техники не укоренится на месте события истины.

Поскольку существо техники не есть нечто техническое, сущностное осмысление техники и решающее размежевание с ней должны произойти в области, которая, с одной стороны, родственна существу техники, а с другой, все-таки фундаментально отлична от него.

Одной из таких областей является искусство. Конечно, только в случае если художественная мысль в свою очередь не изолируется от той

конstellляции истины, о которой мы ставим вопрос.

Ставя так вопрос, мы свидетельствуем о бедственности положения, когда перед лицом голой техники мы еще не видим сути техники; когда перед лицом голой эстетики мы уже не может ощутить сути искусства. Чем глубже, однако, задумываемся мы о существе техники, тем таинственнее делается существо искусства.

Чем ближе мы подходим к опасности, тем ярче начинают светиться пути к спасительному, тем более вопрошающими мы

становимся. Ибо вопрошание есть
благочестие мысли.

Примечания

“ Вопрос о технике ” - выступление
Хайдеггера 18.11.1953 в Главной аудитории
Мюнхенского высшего технического
училища в ряду устроенных Баварской
академией изящных искусств чтений *“*
Искусства в техническую эпоху ”.

Первая публикация: Heidegger M. Die Frage
nach der Technik // Die Künste im technischen
Zeitalter. Мюнхен, 1954, S. 70-108. Это
развернутая редакция второго из четырех
докладов (*“ Вещь ”*, *“ Постаб ”*, *“*
Опасность ”, *“ Поворот ”*), с которыми
Хайдеггер впервые выступил в декабре 1949

в бременском клубе. Доклады имели общее название: “ *Прозрение в то, что есть* ”.



[1] Fragen nach der Technik. Предлог nach обозначает движение вслед чему либо.

[2] По-видимому, имеются в виду тезисы вышедшей в 1949 книги Карла Ясперса “ *Начало и цель истории* ”:

“Техника возникает, когда для достижения цели вводятся промежуточные средства... Техника - только средство... сама по себе она не хороша и не дурна”:

а с другой стороны, “Техника - это совокупность действий знающего

человека, направленных на господство над природой”

(Ср. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М.: Политиздат, 1991).

[3] Возможно, имеются в виду также положения Ясперса из вышеназванной книги:

“Человек попал под ее (техники) власть... Судьба человека зависит от того способа, каким он подчинит себе последствия технического прогресса... как человек, подчинившийся технике, станет господствовать над ней” (Ср.: ук. соч., с. 140).

“Духовное овладение” - почти ритуальный мотив западной философии техники. Ср., например, вступительное слово А. Димера к пленарным заседаниям XVI Всемирного философского конгресса: “*актуальная ситуация*” вторжения техники в человеческое существование

не только в смысле изменения окружающей среды, но и особенно в смысле “биологической и социальной инженерии” “выдвигает настоятельное требование духовного овладения, на основе которого только и становится возможным практическое и техническое овладение” этой ситуацией (Diemer A. Aktuelle geistige Herausforderung // 16. Weltkongress für Philosophie - 1978: Kongress-Zeitung. Dьsseldorf, 1978, 28. Aug. S. 1).

[4] Соответствующее начало называется у Аристотеля “движущее”, “подвигнувшее”, “то, что первое сдвинуло”, “то, откуда движение”, “то, откуда начало движения”. КЯнзуйт “движение” на философском языке Аристотеля есть прежде всего “сдвиг”, “изменение”.

[5] ХрпкеЯуибй - “*под-лежание*”, откуда лат. *subiectum*. См. “*Наука и осмысление*”: в античном понимании “*подлежащим*”, “*субъектом*” была достигшая осуществленной полноты, вошедшая в человеческий мир и присутствующая в нем вещь, обязывающая человека к ответу и соответствию.

[6] Непосредственно перед вышеприведенным местом “*Пира*” Диотима говорит (пер. С. К. Апта): “*Творчество - понятие широкое*” (Платон, Соч., т. 2. М., 1970, с. 135).

[7] По Аристотелю, природа есть “*пребывающее в себе начало движения*” (О небе III 2, 301 b 17). Она “*создает произведения*”, подобно уму (О душе II 4, 415 b 17), “*творит*”, “*живописует*”; подобно искусству, она следует логосу,

хотя в ее произведениях больше
целесообразности и красоты (О частях
животных I 1, 639 b 16-20). Искусство - “
начало в ином”, природа - “*начало, в
себе*”: человек рождается от другого
человека, статуя не рождается от другой
статуи.

[8] “Кто был, однако,
Рожден, чтоб остаться
Всю жизнь свободным и прихотям сердца
Следовать с высот благодатных,
Кто, если не Рейн,
лоном святым на счастье рожденный?”
(Гёльдерлин Ф. Соч. М., 1969, с. 161-166.
Пер. В. Микушевича).

[9] Т. е. существо техники не столько в
разнообразной деятельности
использования возможностей природы и
общества, сколько в обеспечении

возможностей такого раскрытия, в

самовоспроизведении .

[10] По Гегелю, в отличие от орудия труда, косной вещи, формально применяемой в деятельности, машина - самостоятельное орудие, которым человек обманывает природу, заставляя ее работать на себя .

Обман мстит обманщику, низводя фабричного рабочего до крайней степени тупости.

[11] Чем больше человек захвачен тем, что открылось его мысли, тем меньше он успевает задуматься о природе и истоке своего озарения; чем полнее открывается бытие, тем глубже оно утаивается, отсылая от себя к вещам.

[12] Т.е. область опредмечивающего представления. Человек перешел от средневекового символического к новоевропейскому объективному

восприятию сущего не потому, что так решил и запланировал.

[13] . Беспредметность (das Gegenstandlose) - здесь не бессодержательность, а как в абстрактной живописи, утрата бывшими предметами индивидуальной самостоятельности, их подчинение единому всеобъемлющему предмету - системе .

[14] Те. платоновская идея, сверхвещественная суть земных вещей утвердилась в 20 в. в облике поставы, который сегодня, как прежде идея, организует мир, наделяя вещи значением и назначением соразмерно стягиванию их в единую систему овладения действительностью . Хотя постав исторически намного младше идеи, он впервые развертывает ее существо,

никогда прежде не являвшееся с такой определенностью (Heidegger M. Zur Seinsfrage // Heidegger M. Wegmarken. Frankfurt a. M.: Klostermann, 1967, S. 229).

[15] “Возникающее незавершенно и движется к своему началу, так что позднейшее по возникновению первое по природе” (Аристотель. Физика VIII 7, 261 а 13-14 и др.).

[16] “*Действующая причина*”, “*формальная причина*” (лат.). В формальной (формирующей) причине иногда уже у Аристотеля и часто позднее объединялись действующая и целевая, так что вместо четырех причин оставались две - формальная и материальная.

[17] См. Heisenberg W. Das Naturbild in der heutigen Physik // Die Künste im technischen Zeitalter. München, 1954. S. 43 ff.
Гейзенберг говорил в этом докладе,

включенном им в 1971 в сборник “*Шаги за горизонт*”:

“Законы природы, математически формулируемые нами в квантовой теории, говорят уже не об элементарных частицах самих по себе, а о нашем познании элементарных частиц...

Естественнонаучная картина мира перестает тем самым быть естественнонаучной в собственном смысле слова” (Heisenberg W. Schritte über Grenzen. München, 1973, S. 115; 126).

По Хайдеггеру , гейзенберговское соотношение неопределенностей - способ средствами все того же объективирующего метода зафиксировать в виде надежной, пусть статистической закономерности и тем самым сделать достоянием научной

системы даже ту “*контратаку*” действительности, в которую она перешла, когда внезапно перестала в атомной физике укладываться в традиционные научно-объективирующие понятия (Heidegger M. Zur Seinsfrage... S. 230).

Гейзенберг косвенно признал свою принадлежность к традиции метафизической мысли в посвященной Хайдеггеру статье:

“Я не вижу, чтобы в той части современного мира, в которой, по-видимому, совершаются наиболее сильные движения, а именно в естествознании, историческое движение *уводило прочь от идей и ценностей.* *Напротив, истолкование через идеи и ценности практикуется с большей интенсивностью, только в каком-то*

более глубоком слое ” (Dem Andenken Martin Heidegger. Frankfurt a. M., 1977. S. 45).

Ср.: Хайдеггер, Учение Платона об истине, с. 357. См. по этому вопросу также: Heisenberg W. Grundlegende Voraussetzungen in der Physik der Elementarteilchen // Martin Heidegger zum 70. Geburtstag: Festschrift. Pfullingen, 1959, S. 276-290.

О диалоге между Хайдеггером и Гейзенбергом см.: Chiodi P. Il problema della tecnica in un incontro fra Heidegger e Heisenberg // Aut aut, n. 32. Milano, 1956, p. 87-108.

[18] Те. ничего изменить в своей принадлежности к технической эпохе человек не может. См. “*Время картины мира*”, с. 52.

[19] Выступление “ *О существе истины* ” (1930) вышло первым изданием: Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit. Frankfurt a. M.: Klostermann, 1943. Включено в сборник “ *Путевые знаки* ”. См. Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit. // Heidegger M. Wegmarken... S. 85:

“Эк-зистирующее, открывающее присутствие правит человеком, причем так изначально, что только оно обеспечивает тому или иному человечеству то отношение к сущему в целом, которое впервые обосновывает и очерчивает всякую историю”.

[20] Те. историография, делающая историю своим материалом кажется возвысившейся над историей, но она обязана своим возникновением историческому сдвигу, выдвинувшему ее

на место прежнего мифологического и поэтического осмысления событий.

[21] Иррациональное своеволие и рационалистическая скованность оказываются одинаково далеки от исходной свободы.

[22] Те. свободу впервые дарит “ *просвет* ” бытия.

[23] Ср. “ *Наука и осмысление* ”, с. 252.

[24] Те. будет всесторонне обследовать и не увидит сути; истолкует всеми мыслимыми способами и все же извратит. Говоря, что техническая обработка действительности уводит от ее существа, Хайдеггер близок к тому пониманию опасности, которое одновременно с ним предложил В. Гейзенберг:

“При, по-видимому, неограниченном расширении своей материальной мощи человечество оказывается в положении

капитана, чей корабль так солидно построен из стали и железа, что магнитная стрелка его компаса указывает уже только на металлическую массу корабля, а не на север. На таком корабле уже невозможно достичь цели; он будет теперь просто ходить по кругу (Heisenberg W. Das Naturbild der heutigen Physik... S. 126).

[25] “Впервые в истории человек на нашей планете противостоит лишь сам себе... Мы живем в мире, настолько измененном человеком, что повсюду обращаемся ли мы с аппаратами повседневной жизни, принимаем ли приготовленную машинами пищу или пересекаем преображенный человеком ландшафт, мы снова и снова сталкиваемся со структурами, вызванными к жизни человеком снова и снова встречаем, в известном смысле, лишь сами

себя” (Heisenberg W. Das Naturbild... S. 120-121).

[26] Диаметральная противоположность тезисов Гейзенбера и Хайдеггера здесь кажущаяся. К мысли Хайдеггера, что в наше время сам человеческий субъект вместе с его отношением к объекту подвергнут опредмечению, подходил и Гейзенберг.

“ Речь идет уже, собственно, не о картине природы, а о картине наших отношений к природе ” (Heisenberg W. Das Naturbild... S. 125).

Наоборот, сходство Хайдеггера с Ясперсом, говорящим о превращении общества в “ *одну большую машину* ” *с человеком в роли сырья* , только внешнее: *для Ясперса техника - “демоническая сила”, невзначай поработившая человека, для Хайдеггера она -*

истиннейшее обнаружение существа и призвания новоевропейского субъекта .

[27] Первые строки гельдерлиновского гимна “*Патмос*” в его заключительной редакции (1802):

“Близок и труден для понимания Бог.
Но где опасность, там вырастает и
спасительное”.

Ср. Maler A. Wo aber Gefahr ist, Wдchst das Rettende auch: Zu Hцlderlins Bibeltopik. // Euphorion, 71, 1977.

[28] Явление техники возвращает нас к раннему пониманию бытия как имущества. Если в отношении природных вещей еще можно было надеяться, что их бытийную сущность можно извлечь из них путем наблюдения, анализа и обобщения, то пытаться понять сущность техники, наблюдая и изучая, например, устройство авиалайнера, - абсурдное занятие. Здесь

необходим подход, идущий от замысла, с каким человек создал и поддерживает свою технику.

[29] Wesen (“*сущность*”, “*существо*”) имеет этимологическую связь с Anwesen “*владение, крестьянская усадьба*”, wdhren “*пребывать*”, “*длиться*”, Wdhnung “*валюта*”, gewdhren “*осуществлять, ручаться, гарантировать*”, wahr “*истинный, верный*”.

[30] В русском примерно те же соответствия: слово “*суть*” (с его формами “*есмь*”, “*есть*”) связывается через гипотетическое праславянское * *sotь* с латинским sonticus “*лежащий в основании*”, готским sunja “*истина*”, древнеиндийским sant, sat “*подлинный, правдивый, истинный, сущий*”;

возможно, к тому же корню относится слово “ *истина* ”.

[31] “Спокойный ход, какой приобрело все это дело, не был ускорен и помолвкой. Обе стороны хотели, чтобы все продолжалось осуществляться (*fortgewdhren*) именно таким образом” (Goethe W. *Die Wahlverwandschaften*. Leipzig, 1968. S. 209).

[32] Техника осталась у новоевропейского субъекта главным или единственным обеспечением его места в бытии. Без техники он прекратил бы свое историческое существование.

[33] Желание “ *овладеть техникой* ” само входит в орбиту техники. Двигаясь по кругу овладения техникой как инструментом, мысль оказывается частью постова.

[34] Интенсивность технического производства, с одной стороны, не оставляет времени для осмысления бытия,

с другой - говорит о небывалой в истории захваченности человека истиной бытия, открывшейся в образе науки.

[35] “*Конstellация*” современности определяется близостью двух, казалось бы взаимоисключающих явлений: планетарного технического производства и тайны бытия. Хайдеггер видит в технике путь (через сближение с искусством) к небывалому историческому величию человека. См. “*Поворот*”, с. 256.

“Ум невидим, потому что любовь к нему стала бы безумной, если бы что-либо представило взору его явственный образ... Только красоте выпало на долю это - быть наиболее явственно-сияющей и вызывать наибольшую любовь к себе” (Платон, Федр 250)

[36] “Ум невидим, потому что любовь к нему стала бы безумной, если бы что-либо

представило взору его явственный образ...
Только красоте выпало на долю это - быть
наиболее явственно-сияющей и вызывать
наибольшую любовь к себе” (Платон,
Федр 250)